

Славяноведение, 2025, № 2, с. 99–110

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2025, No. 2, pp. 99–110

DOI: 10.31857/S0869544X25020093, EDN: IYIMRS

Оригинальная статья / Original Article

*Казим, кажимот, веденье: о локальных мифонимах с «перетекающими» мотивировками**

© 2025 г. Е.Л. Березович

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург, Российская Федерация)

berezovich@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются три мифонима, которые представлены в говорах севера и востока Костромской области, – *казим, кажимот, ве(i)денье*. Эти слова впервые вводятся в лингвистический оборот, поскольку они не зафиксированы основными диалектными словарями русского языка и записаны преимущественно в полевых условиях. Мифонимы имеют перекликающиеся наборы признаков, что помогает осуществить семантико-мотивационную реконструкцию лексем и этимологизацию «темного» слова *казим*. В основе мифонима *веденье* лежит календарный признак (персонаж наказывает за недостаточное количество напряденного к *Ведению*, 4 декабря по н. ст.); в слове *кажимот* отражена формула *Кажи моты*, призванная контролировать объем напряденного; лексема *казим* образована от глагола *казить* ‘чудиться, казаться; портить; шалить’ и реализует скорее всего перцептивный признак «кажимости» персонажа, который лежит в основе народноэтимологической реинтерпретации слова *виденье*.

Ключевые слова: русская диалектная лексикология, мифонимия, этнолингвистика, семантическая реконструкция, этимология.

Ссылка для цитирования: Березович Е.Л. *Казим, кажимот, веденье: о локальных мифонимах с «перетекающими» мотивировками* // Славяноведение. 2025. № 2. С. 99–110. DOI: 10.31857/S0869544X25020093, EDN: IYIMRS

Kazim (казим), Kazhimot (кажимот), Vedenye (веденье): On Local Mythonyms with ‘Flowing’ Motivations

© 2025. Elena L. Berezovich

Ural Federal University named after the First President
of Russia B.N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russian Federation

berezovich@yandex.ru

* Автор выражает сердечную благодарность И.С. Слепцовой (Кызласовой) за предоставленные архивные материалы, а также Т.А. Агапкиной – за консультации при подготовке статьи.

Abstract. The article deals with three mythonyms that are represented in Russian dialects of the north and east of the Kostroma region – *казым*, *кажимот*, *ве(и)дέнье* [*kažim*, *kazhimót*, *ve(i)dénje*]. These words are introduced into the linguistic turnover for the first time, as they are not recorded in the main dialect dictionaries of the Russian language and were recorded mainly in the field. Mythonyms have overlapping sets of features, which helps to carry out semantic-motivational reconstruction of lexemes and etymologisation of the ‘dark’ word *казим*. The mythonym *веденье* is based on the calendar sign (the character punishes for insufficient amount of spun out yarn by *Vvedeniye*, 4.XII); the word *кажимот* reflects the formula *Кажи моты* [*Kazhi moty* – show the skeins of yarn], designed to control the volume of spun out yarn; the lexeme *казим* is formed from the verb *казить* ‘to wonder, to seem; to spoil; to mischievous’ and realises most likely the perceptual sign of the character’s ‘seeming’, which is also the basis of the folk-etymological reinterpretation of the word *виденье*.

Keywords: Russian dialect lexicology, mythonymy, ethnolinguistics, semantic reconstruction, etymology.

For citation: Elena L. Berezovich. *Kazim* (казим), *Kazhimot* (кажимот), *Vedenye* (веденье): on Local Mythonyms with ‘Flowing’ Motivations // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. No. 2. P. 99–110. DOI: 10.31857/S0869544X25020093, EDN: IYIMRS

Речь пойдет о трех мифонимах, которые представлены в говорах севера и востока Костромской области, – *казым*, *кажимот*, *ве(и)дέнье*. Эти слова имеют не только лингвогеографическую общность, но и смысловую: их соединяют признаки, своеобразно **«перетекающие из семантики одного слова к другому»**. Это волновое движение состоит в том, что тот признак, который для первого мифонима является центральным и мотивирующим, становится периферийным в смысловом пространстве второго мифонима, «передающего», в свою очередь, один из своих признаков третьему мифониму, а он оказывается чем-то связанным и с первым. Иначе говоря, за анализируемыми словами стоит общий комплекс признаков, которые различным образом актуализируются в смысловом пространстве каждой лексемы. Названное обстоятельство имеет значение для верификации внутренней формы слов, ведь мифонимия и вообще лексика народной мифопоэтической традиции нередко имеет **нелинейную**, неодновалентную **мотивацию**; в случае с темным (и наиболее интересным лингвистически в этой тройке) словом *казим* эти семантико-мотивационные выкладки необходимы для этимологизации. Изучаемые лексемы не отмечены в основных диалектных словарях русского языка; большая часть информации о них извлечена из неопубликованных источников – полевых картотек Топонимической экспедиции (далее – ТЭ) Уральского университета, а также архива замечательного этнографа – И.С. Слепцовой (Кызласовой).

Ве(и)дέнье. Начнем с вариантовых форм *веденье* (без уд.) и *видέнье*, отмеченных сотрудниками ТЭ, соответственно, в Вохомском и Межевском районах Костромской области: *веденье* ‘мифологический персонаж, наказывающий, по поверьям, нерадивых прях’: «Всё мне бабушка Наталья говорила: “Пряди-пряди, мот до Веденья не напрядёшь, тебя *веденье* в трубу протащит”»; *видέнье* ‘мифологический персонаж, которым пугали детей, слишком долго не ложившихся спать’: «Пугали: “Ну-ко, спи, *виденье* придет, утащит тебя!” *Виденье* зимой. Свету-то не было, темень, вот и тени страшные такие были! Нас и пугали, что это *виденье*: всё в белом, руки длинные, детей хватает. Ой, мы боялись»¹. Единственная форма, найденная нами в лингвистических и фоль-

¹ ЛКТЭ.

клорных источниках, которую можно поставить в этот ряд, — вят. *введенница* (без уд.): «Если к этому дню <Введеньев день, 4 декабря> не напрядешь мот, придет *введенница* (или домовой), замотает волосы в мотовку и утащит в печную трубу»²; слово записано относительно недалеко от Вохомского района — в Лузском районе соседней Кировской области.

По степени ясности мотивационно-словообразовательных связей мифонимы встают в последовательную триаду: *веденье* — *введенница* — *виденье*. Слово *веденье* представляет собой прозрачный результат деонимизации хрононима *Веденье*³, народной формы названия двунадесятого праздника православной церкви — *Введения во храм Пресвятой Богородицы* (4.XII по нов. ст.). Как и другие богочестные праздники, *Веденье* связано с женскими работами, в том числе прядением. Поскольку пряли преимущественно в холодное время года, когда нельзя было заниматься земледелием, символический контроль за процессом прядения логично было осуществлять во время этого праздника, «вводившего» календарный год в зиму⁴.

То обстоятельство, что «авторитетным лицом», контролирующим прядение, становится персонификация праздника (календарного времени), вполне типологично. Так, близкая «женская» дата — *Варвара* (День великомученицы Варвары, 17.XII) — тоже связывается с прядением и персонифицируется, ср. моск. *Варварка* ‘женский персонаж, который является, если прядь лен или шерсть в дни, когда это запрещено’: «Если прядь на Святки, так Варварка придет»⁵. Аналогично образуется персонаж по имени *бабка Коляда*: волог. «Девочки и даже мальчики, которых с малых лет сажали за пряжу, должны были напрясть свою норму. Их пугают “бабкой Колядой”, которую боятся, так как знают, что придет срок и безменом надо смерить вес напряденного» [Тульцева 2001, 38]. Известны у славян и персонификации дней недели, с которыми связаны запреты на прядение. Среди них особенно выделяются *Пятница* (*Параскева Пятница*) и *Неделя ‘воскресенье’*⁶. В текстах, где фигурируют такие имена, персонаж чаще всего проверяет количество напряденного и следит за соблюдением запрета на прядение в определенный день⁷; в более редких случаях персонаж демонстрирует последствия нарушения запрета (скажем, в болгарских и македонских балладах св. Неделя оказывается истыканной веретенами и т.п. [Седакова 2008]).

Вернемся к русскому диалектному материалу, который изучается в этой статье. Вторая форма в рассматриваемой триаде — *введенница* — содержит результат не только семантической, но и словообразовательной деривации от *Введение*; тем самым несколько укрепляется «персонажность», которая у мифонима *веденье* совсем призрачна.

«Настоящий» призрак обозначен словом *виденье*, которое примечательно тем, что имеет **двойную мотивацию**: первичная — отхрононимная (как у

² ВФ, 19. Из сборника «Вятский фольклор» слово перенесено (с соответствующей отсылкой) в «Областной словарь вятских говоров», но ему присвоена несколько некорректная дефиниция — «мифологический персонаж домовой» (ОСВГ, 96): внутренняя форма, как будет показано далее, указывает, что перед нами персонификация календарной даты, а не домовой.

³ С многочисленными вариантами, см. (РНК, 70–72).

⁴ О символике этого дня в славянской и собственно русской традиции см.: (Толстая 1995; РНК, 70–72).

⁵ РНК, 61.

⁶ См., например: (Максимов 1903, 512–514; Левкиевская, Толстая 2004; Седакова 2008; Народная демонология Полесья 2016, 605).

⁷ Среди таких дней и *Веденье*: так, в Полесье в этот день нельзя не только прядь, но и смотреть на веретено, ср.: «На Вэдэне ховалы вэртёны, коб нэ бачылы. Кажуть, гадына будэ кусать тэбэ» (Толстая 2005b, 45).

предыдущих двух слов), а вторичная сформировалась в результате народноэтиологического притяжения к глаголу *видеть(ся)*, давшим совпадение с литер. *виденье*. У этого притяжения очень сильная внеязыковая поддержка: во-первых, мифологические персонажи всегда имеют особую «видимость» и нередко осмысляются именно как «привидения»; во-вторых, освещение крестьянского жилья и окрестностей было очень слабым (особенно в зимнее время), что провоцировало персонификацию теней, ср., к примеру, селигер. *сумерка* ‘мифологический персонаж, которым пугали детей’: «В догонялки до вечера бегали, пока не стемняет, так мама шуткой скажет: “Домой, а то сумерка в попу залезет”. Мы боялись: сумерка — что-то тёмное, страшное. Я и внуку сейчас скажу: “Смотри, сумерка в попу залезет”»⁸. В ряд с мифонимом *виденье* < *видеть(ся)* встают и другие названия, имеющие сходные мотивировки, например: арх. *блázнушка*, влг. *блázнушко*, арх. *блázнюшко* ‘мифическое существо, пугающее людей’: «Этта у болоте чёрт, а у доме усё блазньюшком пугали», «Бывало, идёшь лесом и будто кто за спиной — ой, блазнушко привиделось», «Блазньюшко побежит, побежит, белой весь, борода белая», ср. также влг. *блázно* ‘привидение’: «Блазно в темноте покажется, страшно» (< *блázнить(ся)* ‘казаться, чудиться’)⁹, костр. *манилка*: «Если сидишь дома, а тебе кажется, что кто-то скрёбётся или стучит, так это манилка тебя манит. Детям ещё говорили, пугали их: “Манилка тебя утащит”, *манила* ‘ряженый’: «Манилы пугались, наредятся бегают» (< *манить* ‘казаться, чудиться’)¹⁰. Если в этих случаях имеют место отношения прямой производности названий мифических существ от глаголов с семантикой ‘казаться, чудиться’, то есть примеры слов, где указанные значения входят в смысловой комплекс, выделяемый на праславянском уровне, ср. вят. *мáра* ‘мифологический женский персонаж, который появляется в белой рубахе’: «Привиделась, наверно, мара, чё-то белое в сенках мелькнуло», «Мара может привидеться в поле»¹¹, калуж. «Вообще надо сказать, что привидения женского рода не отличаются добродушием и всегда стараются вредить людям: Мара вынимает спорость из работы у тех, кто не крестит свою работу на ночь. Ее видят в лунные ночи за самопрялкой или за шитьем: страшная, растрепанная, сидит и гремит самопрялкой, как погремит, так и будешь целый день одну куделью прядь; пошьет — одну рубашку в неделю не сошьешь, все будешь перерешивать, да перепарывать»¹²; *мóра* твер. ‘по народным поверьям — фантастическое существо женского рода, которое ночью при свете луны прядет недопряденную женщиной пряжу’, сарат. ‘привидение’¹³; реконструкция смысловых связей представлена в [Белетич, Лома 2013].

Кажимóт. Слово отмечено в Мантуровском районе Костромской области и имеет значение ‘придуманный старшими образ ряженого, пугала для устрашения и побуждения девочек-прядильщиц’: «Ковда мы были молоденькия, нас шыбко заставляли прядь. Мать цясто говорила мне: “Пряди пушшэ! Смотри, *кажымоты* придут, штё показывать-то будёшь?” А если со дни на гору убежым катацця на салазках, нарядицця баба *кажымотом*: выворотит полошубок,

⁸ Селигер 7, 240.

⁹ СГРС 1, 118.

¹⁰ ЛКТЭ; разумеется, примеры есть и в инославянских традициях, ср. бел. минск. *зданкі* ‘мифические существа, привидения в виде какой-то неясной фигуры, человека, животного, неодушевленного предмета, тени, огней, — единственная функция которых испугать людей’ (< *здаваца* ‘казаться, мерещиться’); варианты их названий: *прывіды*, *пужакі*, *стражі* (ТМКБ 2011, 493).

¹¹ ОСВГ, 476.

¹² РКЖБН/3, 123.

¹³ СРНГ 18, 254.

обмотает куделей голову, возьмёт в руки мотовило и бежит на гору гнать нас за пряху. “Эй, вы! *Кажы моты!*” – кричит. Мы испугаемся и бежим сломя голову домой. Дома повисим тальку на переборку, сидим, ждём *кажимота*», «Мне мамка говорила: “Если к Рождеству не напрядёшь, придёт *кажымот*, по-лумотком нахлёшшот”», «*Кажымотом* страшали ленивых, заставляли их усиленно прядься»¹⁴.

Указанная фиксация слова – единственная, кажется, среди словарных фиксаций. Это поучительно и досадно для профессиональных лексикографов, если учесть, что лексема не является гапаксом, отмечена, как мы увидим далее по несловарным источникам, на разных территориях, а поместил ее в словарь только краевед-любитель (пусть и такой тонкий знаток народного слова, как А.В. Громов).

Учитывая необходимость введения в лингвистический оборот данных об интересующей нас лексической единице и связанной с ней вербальной формуле, содержащихся в фольклорно-этнографических источниках, приведем их достаточно полно.

Многочисленные фиксации слова (в форме *кажимотка*) есть на Южном Урале (записи осуществлены в казачьих поселениях Челябинской области). Если костромской *кажимот* связан, как и *веденье*, с зимним (рождественским) циклом (когда подводятся, так сказать, первые итоги прядильных работ), то уральская *кажимотка* – персонаж весеннего календарного фольклора (а в это время надо уже иметь полный объем напряденного): челяб. «Как я помню, нас заставляли с 6–7 лет прядь. Напрядешь – *кажимотка* тебя не будет бить. Страшали нас. Эти *кажимотки* бегали, догоняли нас. “Сколь напряла?” Ташишь, ей покажешь. Она похвалит. Наряжались *кажимотками* всегда 9 марта по-старому... Если пряжи мало, то спрашивает, почему. Скажешь, что водилась, мамке помогала. Было, и в дом *кажимотки* заходили, а так в основном им выносили пряжу, показывали»; «*Кажимотки* бегали в Жаворонки. Кто снаряжался, вывернут овечью шубу, лицо спрячут, оденут какое-нибудь рванье; с палочкой бегали, ходили. Бегали каждый год в один и тот же день. *Кажимотка* поймат кого-нибудь, спрашивает, сколь за зиму напряла. Два-три мотка – мало, а потому врали, говорили побольше. Боялись их, во двор, было, забежишь»; «*Кажимотка* придет, я, грешница, залезаю на полати, я же не умела прядь, а они спрашиваются. Успею – покажу материин. Она похвалит, скажет: “Молодец! Дай бог здоровья, жениха хорошего”. А нет: “Да кто же ты возьмет? Неумеха!”» и др. [Рожкова 2004, 277–278], «*Кажимотка* бегала и пугала маленьких девочек: “*Кажи моты!* Кажи, сколько напряла!”» [Филиппова 2009, 259]. Действия *кажимоток* приурочены к 22.III (по н.ст.) – Дню сорока мучеников Севастийских (одно из народных названий – челяб. *Жаворонки*), который во многих русских локальных календарных традициях был днем встречи весны.

В ряде случаев источники фиксируют формулу *кажи моты*¹⁵ (вкладывая в уста того, кто контролирует прядение), но не называют персонажа *кажимот* (*кажимотка*). Для нас особо важны такие записи из Костромской области («В Введенской в., Чухл. у. (д. Рыково) пекут жаворонков со словами: «*Кажи моты, кажи моты*». Это значит, что с окончанием зимы пряха должна

¹⁴ Громов, 26.

¹⁵ Ср. диал. шир. распр. *мот* ‘пряжа, смотанная на мотовило’, ‘моток пряжи, ниток’, ‘моток определенной величины как мера пряжи’ (СРНГ 18, 294–295).

подвести итоги своей работы»¹⁶); есть подобная традиция и ниже по Волге – в Татарстане («<Перед прилетом жаворонков> взрослые говорили девушкам, чтобы они не ленились, а пряли быстрее: “Давай, давай, пряди”, а то жаворонки, как прилетят, кричат будто: “*Кажи, кажи мот, кажи, кажи мот*”. А вы, девки, скажите: “Вот мот, вот мот, вот мот”» [Агапкина 2000, 85])¹⁷. Аналогичны уральские свидетельства – из Пермского края («В Октябрьском районе время подготовки мотов связывали с прилетом первых птиц: “Птичка прилетит, кричит: *Кажи моты, кажи моты*, чтобы их повесили на мороз”»¹⁸) и из Челябинской области («Была такая присказка: *кажи моты* называлася. “*Кажи моты*, а то жаворонки жопу расклюют”. Все так говорили, прясть заставляли» [Филиппова 2009, 460]). Согласно костромским записям уже упоминавшегося А.В. Громова, формула *кажи моты* звучала и весной, и в *Прядистое Говиньё* (‘период интенсивного прядения: от Заговения (21.XI по н. ст.) до Рождества (7.I по н. ст.’): «“*Кажи моты!*” С этими словами обращались к молодой пряхе, чтобы она показывала свою пряжу: В Прядистое говиньё пробегаёшь да прогуляёшь – вот и спрашивают у тебя: “*Кажы моты!*” Не покажошь пряжу али мало напряла – талькой нахлёшшут»; «В Святки по домам ходили наряженки, крицали: “*Кажы моты!*” – Провиляли невест, тонкопряхи ли оне»; «Пора кросна собирать, скоро жаворонки закрицят: “*Кажы моты!*”»¹⁹. О формуле *кажи моты*, о персонаже и в целом об этой фольклорно-ритуальной традиции подробнее см.: [Агапкина 2000, 85–86; Логика трансформаций, 483; Моисеева 2006, 83; Некрылова 2023, 155; Ованесян 2020, 38; Рожкова 2004, 277–278; ТПЮУ, 174; Филиппова 2009, 458–460].

Как можно заметить, контроль за прядением может осуществляться по-разному (даже от лица жаворонков), но в интересующей нас локальной традиции (северная и восточная часть Костромской области) эту функцию берет на себя мифологический персонаж, нередко изображаемый ряженым. О продуктивности этого верования и соответствующего ритуала говорит и тот факт, что, помимо *кажимотов*, в нашей зоне отмечаются и другие названия персонажей, следящих за прядением: кологр. *мотовиляха*: «У нас мотовилиха нарядиця наряженкой и пойдёт по избам моты глядить, пугаёт: “*Кажы моты!*” Ты сидишь, дрожишь, и мотушка на руке», мантуров. *мотыга* ‘то же’²⁰. Иногда этот «функционал» передается и *казиму* – персонажу с неясным названием, о котором речь далее.

Казым. Это слово фиксируется, как нам удалось установить, только в Коло-гривском районе Костромской области. В записях нашей экспедиции 2024 г. отмечаются следующие значения:

- ‘мифологический персонаж, которым пугали детей’: «“Ну-ко, не балуй! Придёт казим, унесёт тебя в гобец!” Боялись этого казима»; «Вот к тебе казим придёт, будешь баловать! Казим вон за печкой сидит!»; «Приводили ко мне ребят, моих внуков. Надо спать, они не спят. Я все пугала их казимом: Вот казим придёт и бабай! Раньше-то бабая не было. Нас пугали всё казимом. Он лупил женщин, которые мало напряли. Вот когда всё напрядут, в Святки, он

¹⁶ Китицина 1927, 100, эта запись попала в (СРНГ 18, 295): костр. *кажи моты, кажи моты* ‘слова, которыми сопровождается выпечка жаворонков; означают, что пряха должна показать итоги зимней работы’ (1927).

¹⁷ Делегирование контролирующих прядение функций весенним птицам и похожие приговоры известны и в инославянских традициях – например, в Полесье; см. [Агапкина 2000, 85–86].

¹⁸ Черных, 277.

¹⁹ Громов, 25.

²⁰ Там же, 26.

и бывает»; «Ребёночек балуется, не спит, так пугали: «Ну-ко, ну-ко, не будешь спать, казим придёт, тебя уташит». А детям сикать-то ставили горшок. А некоторые на улицу норовили бегать. Мы их пугали, чтоб не бегали: «Смотри, казим ночью придёт и уташит». Казим будто на мосту ходит»; «Казимом матка пугала нас: придёт, нас уташит. А своих детей я баба пугала»;

• ‘персонаж святочного ряженья, одевавшийся в «страшное» и «контролировавший» объем напряденного’: «В Святки наряжались казимом. Баба или мужик наряжались. Казим страшный. Баба раз нарядилась: ватные штаны у ёй, кошуля на нанику, сажей измазалась, маска страшная. Казим над пряжей хозяин. Проверяет, кто сколько напрял. Мало напряла – бьет мотушкой»; «Маня Межачка казимом нарядилась раз: ой, мы испугались! Казим страшный, лохматый, черный, как не испугаться!»;

• ‘несуразно одетый, неряшливый человек’: «А если кто оделся не пойми как – тоже казим»; «Чего как казим оделась?».

В 2015 г. похожие записи на той же территории были сделаны И.С. Слепцовой: «Казимом пугали. Как на зверюшку больше, *казим*-то. На четырёх лапках, вот такой вот. Если будешь шалить, хулиганить, значит он накажет тебя»; «“Пряди, Варька, учись прядь-то, а то придёт *казим*” (ну, это как бы местная страшилка). Вот приходит *казим* и говорит: “Пряжу кажи”. Ну значит “покажи”. Сколько напряла. А больше про *казима* я нигде не слышала. Может, в этой деревне, именно в Ложкове, вот такое было»²¹; «Меня пугали казимом. Это сколько напряли, вот это я не знаю когда, проверяэт. Женщина одна наряжалася казимом, пришла старшная-страшная, я зарявкала, под кровать залезала. А мамка говорит: “Мань, перестань! Надён, ты не бойся, ты не бойся”. Я зарявкала. “Што ты девку, говорит, пугаэшь! Это не казим, это, говорит, тётка Маня Межачка тута, говорит, пришла нарядилась. Не настоящий это казим”. Я испугалася сильно. Казим ходит проверяэт. Если плохо напряла или чево, дак берёт мотушку и хлёшшет хозяйку, што мало напряла. [И как одевался этот Казим?] Ну, ватные штаны были, вот это я помню, што штаны, шапка страшная, кафтан там разорванной весь, истрёпанной, это лицо всё намазано сажой. То усы приделают из кудели. В каждый дом казим ходив. В каждый дом ходив, проверяв хозяек, сколько напряла. Пугав. Ну, придёт казим проверять, он не ребятишек – ребятишки-то боялись – он ходив проверять хозяйёк, много ли напряли они, лодыри или нет»²².

Казим известен только жителям Кологривского района, причем его центральной части (деревни Ивтино, Суховерхово, Баринцево, Починок, Тодино, Ложково, Екимцево).

Какую **этимологию** можно предложить для этого слова?

Представляется, перед нами образование от глагола *казыйть(ся)*, который является полисемичным (а в (СРНГ) некоторые лексико-семантические варианты этого глагола подаются как синхронные омонимы). Спектр релевантных для нашего случая значений таков: *казыйть* олон., новг. ‘виднеться’, олон. ‘иметь вид, казаться’: «С виду казыйт нова (вещь), а между тым ена стара е»²³, устар. и обл., ворон. ‘портить, повреждать, искашать’, краснодар. ‘шалить, баловаться, вести себя буйно’²⁴, ср. также ст.-рус. *казить* ‘искашать, извращать’,

²¹ Информантка проживает в д. Суховерхово, а про казима слышала от жительницы находящейся неподалеку д. Ложково.

²² АИСС.

²³ Показательно и новг., влг. *казыйт* ‘кажется (вводное слово)’ (СРНГ 12, 319).

²⁴ СРНГ 12, 319–320

казитель ‘кто искажает, портит что-л.’ (XVII в.)²⁵. Это продолжения праслав. **kaziti* (*seq*), о котором О.Н. Трубачев сообщает следующее: «Гл. на *-iti*, обычно характеризуемый как каузатив к **čežnati*. Однако, строго говоря, между **čežnati* и **kaziti* нет непосредственной сопоставимости ни в формальном, ни в семантическом плане. Недаром Мейе раньше допускал, что *kaziti* – это деноминатив от именной основы *kaza*. Возводить форму **kaziti* можно только к форме с корневым гласным о → ő, т.е. к той же, что в **kazati*. С этим последним связано **kaziti* и семантически: ‘портить’ ← ‘метить в дурном смысле’»²⁶; при этом для **kazati* «исходной является семантика ‘показывать, делать знак’ (откуда вторично – ‘говорить’)»²⁷.

Довольно сложен вопрос о **словообразовании**. Если выделять корень *каз-*, то форму следует квалифицировать как субстантив с формантом *-im*, совпадающий с показателем причастий настоящего времени. Реконструируемые нами субъектные смыслы производного слова – «тот, кто портит», «тот, кто шалит», «тот, кто видится (внушает видения)» – противоречат, на первый взгляд, пассивной форме причастия. Однако известно, что глагольные дериваты с «пассивными» суффиксами страдательных причастий настоящего времени могут иметь «активные» значения. Этим вопросом (в связи с более широкой проблемой соотношения агентной структуры глагола и семантики отглагольных имен) специально занималась С.М. Толстая [Толстая 2005а], которая прокомментировала ситуации «небольшого» поведения слов с такими суффиксами²⁸ и пришла к выводу, что они «свидетельствуют об утрате суффиксом *-im-* своего исконного “страдательного” значения, и если в литературном языке это явление представлено единичными случаями, то в диалектах оно приобрело значительно более широкий масштаб» [Там же]. Нам уже приходилось заниматься диалектным словом *остродым*, имеющим пассивную форму при «активном» значении, – и в соответствующей работе [Березович 2015, 156–161] мы относительно подробно рассмотрели вопрос о словах с суффиксом *-im-* в диалектном лексиконе. Среди прочих аргументов о возможности реализации суффиксом «активного» значения говорилось о наличии рядов лексических единиц, в которых представлены слова с суффиксом *-im-* и их однокорневые параллели с другими «активными» суффиксами: ряз., тамб. *водым* = дон., орл. *водатай*, без указ. м. *водыц* ‘вожак, зачинщик; руководитель какого-либо дела’; тамб. *насердым* ‘недоброжелатель, враг’ ≈ орл., твер. *насердник* ‘тот, кто имеет злобу, неприязнь, досаду на кого-л.’ – «Я со своим насердником помирился уж давно» (ср. смол., ср.-урал. *насердиться* ‘много посердиться, на-досадоваться’); без указ. м. *облайм* ‘ругатель, хулитель’ = костр. *облайщик* ‘тот, кто все время ругает других’, иркут., киргиз., костр., новосиб., орл., пенз., пск., сиб., твер., тобол., тул., ульян. *облай* ‘грубиян, ругатель; скандалист’ и др. Даные примеры демонстрируют и возможность субстантивированного употребления форм с причастным суффиксом, см. [Там же, 158].

²⁵ СОРЯМР XVI–XVII 9, 350.

²⁶ ЭССЯ 9, 171.

²⁷ Там же, 169.

²⁸ Как указывает С.М. Толстая, во-первых, имеет место совмещение в одной лексеме активного и пассивного значения: рус. диал. *нежалимый* ‘такой, которого не жаль; не дорогой по цене’ (пассивное значение) – ‘безжалостный’ (активное значение), *незнамый* ‘неизвестный, незнакомый’ (пассивное значение: тот, кого не знают) – ‘несведущий, неосведомленный’. Во-вторых, есть многочисленные случаи «активных» значений у дериватов с «пассивным» суффиксом *-im-* (в том числе и от непереходных глаголов): *невредимый* ‘не приносящий вреда, безвредный’ (форма пассивная, значение активное), *непосидимый* ‘непоседливый’, *невсходимый* ‘невсходний, бесплодный (о семенах и т.п.)’ и др. [Толстая 2005а, 164].

Сказанное приводит к выводу о том, что *казим* реализует весьма старую словообразовательную модель: это, по всей видимости, субстантивированная форма отглагольного прилагательного, формально совпавшего со страдательным причастием настоящего времени. Важно, что в гнезде *каз-* есть другие, более ясные в плане семантики и словообразования (несубстантивированные) формы, являющиеся аналогами форме *казим*: перм., вят., костр. *казымый* ‘красивый’: «Ты, девша, не гляди на оклажь-ту (внешность), не хухнай (не хули) до время-та, что хоть не казима!» (perm.); «Жених у неё казимый, повезло девке» (вят.)²⁹, костр. *казымее* нареч. ‘красивее’: «В долгом-то платье тебе казимее стало»³⁰, перм., свердл. *неказымо* ‘неискусно’³¹, *неказымый* костр. ‘некрасивый; неказистый’, влг. ‘плохой; неказистый’: «Неказимой у неё домик-отъ»³², новг., олон., костр., свердл., том., арх., ср.-урал., тюмен. *неказымой* ‘неописуемый, трудно выразимый словами’³³. Подчеркнем, что в этих примерах есть параллелизм *неказимый – неказистый*. Показательно и то, что упомянутые формы в ряде случаев имеют костромскую географию. Интересен также однокоренной субстантиват – баш. *рассказым* ‘рассказчик’: «Семён Андреич такой ръсказим был: то скаски, то были-небылицы, откол’ брал, придёт, чё-небут’ новойе роскажыт», ср. также *рассказымый* ‘разговорчивый’³⁴. Наконец, аналогичные словообразовательно формы представлены и в родственных языках, ср. хорв. имеющие *Казим, Сказим, Наказим*³⁵.

Таким образом, мифоним *казим* является, по всей видимости, весьма старым образованием от основы *казить* с суффиксом *-им-*; спектр возможных этимологических значений – « тот, кто видится, чудится, кажется», « тот, кто портит », « тот, кто шалит ». Хочется предположить, что более вероятное производящее значение « тот, кто видится »: оно архаично и наилучшим образом вписывается в систему « перетекающих » мотивировок, которая характерна для изучаемого мифонимического комплекса. Но, разумеется, мы не можем настаивать на этом предположении, пока не найдены дополнительные подтверждения; остальные два мотивирующих варианта тоже возможны.

* * *

Итак, нами рассмотрены мифонимы *веденье* (*введенница, видёнье*), *кажимот*, *казым*, которые функционируют на относительно небольшой территории – на севере и востоке Костромской области (кроме слова *введенница*, записанного в соседней Кировской области). Представления о персонажах, названных этими словами, включают в себя обширный набор признаков, в котором есть общее ядро, состоящее из элементов, каждый из которых повторяется как минимум дважды:

- появляется в зимнее время;
- контролирует прядение;
- наказывает, внушает страх (поэтому его появлением пугают детей);
- чудится, видится (обычно в темноте);

²⁹ СРНГ 12, 319; *Костров*, 149; ОСВГ, 351.

³⁰ Ганцовская, 96 (приложение).

³¹ СРНГ 21, 57.

³² Там же; СВРежГ, 294.

³³ СРНГ 21, 151; СРГСУ 2, 205; СРГЮТО 2, 60.

³⁴ СРГБаш, 287.

³⁵ Об антропонимическом потенциале изучаемой основы говорит и имя *Казимир* с родственными формами, восходящее к **kazimērъ* / **kazimirъ*: это сложение глагола **kaziti* и имени **mirъ*, собственно, «возмутитель спокойствия, мира, смутия» (ЭССЯ 9, 170).

- может изображаться ряжеными.

Три признака из этого комплекса становятся мотивирующими для мифонимов: признак контроля за прядением – для *каждомата*; календарный (появляется в *Веденье*, 4 декабря по н. ст.) – для слов *веденье*, *введенница*; перцептивный («чудится, видится») – для *казима* (хотя в этом случае возможна и мотивация «тот, кто портит, шалит»). При этом изучаемые слова имеют мотивационную поддержку со стороны некоторых других костромских мифонимов, ср. *мотомвилиха*, *мотыга*, *манилка*, *манила*. Так обеспечивается «перетекание» мотивирующих признаков от одного мифонима к другому – и это явление помогает их интерпретации (этимологизация слова *казим*, реконструкция двойной мотивации мифонима *виденье*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АИСС – личный архив Ирины Семеновны Слепцовой (Кызласовой).
- ВФ – Вятский фольклор. Народный календарь. Котельнич, 1994.
- Ганцовская Н.С. Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии: Дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2008.
- Громов А.В. Словарь лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: Учебное пособие. Изд. 3-е, испр. Кострома: Инфопресс, 2012. Ярославль, 1992.
- Китицына Л. Хлеб. Из материалов по народному питанию Костромского края // Труды Костромского общества по изучению местного края. Четвертый этнографический сборник. Кострома, 1927. Вып. XLI. С. 92–102.
- Костров А.В. Толковый словарь «агафонского» говора бывшей Матвеевской волости Кологривского уезда Костромской губернии. Изд. 2, испр. и доп. М.: «Перо», 2020.
- Левкиевская Е.Е., Толстая С.М. Параксева Пятница // Славянские древности: Этнолингв. словарь. М., 2004. Т. 3. С. 631–633.
- ЛКТЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкоznания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. Т. 1–2; [то же:] М., 1991–1993.
- Некрылова А. Русский традиционный календарь. М.; СПб.: «Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023.
- Ованесян Л.Г. Календарные праздничные традиции народов Южного Урала (весенне-летний цикл): учебно-методическое пособие. Челябинск: Изд-во Южно-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2020.
- ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / отв. ред. З.В. Сметанина. 2-е изд., доп. и испр. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2023.
- РКЖБН – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. / Рос. этнографич. музей. Санкт-Петербург: ООО «Деловая полиграфия». Т. 3: Калужская губерния / авт.-сост.: И.И. Шангина. 2005.
- РНК – Атрошенко О.В., Кривоцапова Ю.А., Осипова К.В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / науч. ред. Е.Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 544 с. (Настольные словари русского языка).
- СВРежГ – Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / науч. ред. Л.Ю. Зорина. Вологда: ВоГУ, 2017.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева, М.Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- Селигер – Селигер: Материалы по русской диалектологии: словарь / под ред. А.С. Герда. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003–2020. Вып. 1–8.
- СОРЯМР XVI–XVII – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкаф. словарный каб. им. проф. Б.А. Ларина, Российской акад. наук, Ин-т лингвистических исслед. ; [С.Н. Варина и др.]; под ред. О.С. Мжельской. Санкт-Петербург: Наука, 2004–.
- СРГБаш – Словарь русских говоров Башкирии: А–Я / под ред. З.П. Злобновой. Уфа: Гилем, 2008.

- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. / под ред. А.К. Матвеева. Свердловск: Среднеуральское книжное изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.
- СРГЮТО – Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области / под ред. С.М. Беляковой. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2014. В 2 т.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–22); Ф.П. Сороколетов (вып. 23–42); С.А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
- ТМКБ 2011 – Традицыйная маастацкая культура беларусаў: У 6 т. Т. 5. Цэнтральная Беларусь. У 2 кн. Кн. 2. / А.М. Боганева [i інш.]; пад агул. рэд. Т.Б. Варфаламеевай. Мінск, 2011.
- Толстая С.М. Введение // Славянские древности: Этнолингв. словарь. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 294.
- Толстая С.М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005б.
- Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Ч. II. Зима. Пермь: Изд-во «Пушки», 2007.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева, Ж.Ж. Варбот. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапкина Т.А. Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. М.: Индрик, 2000. 336 с.
- Белетич М., Лома А. Сон, смерть, судьба (наблюдения над праслав. **mora*, **mara*) // *Slavica Svetlanica*. Язык и картина мира: К юбилею С.М. Толстой. М.: Индрик, 2013. С. 56–75.
- Березович Е.Л. Поймать остродыма: об одной лексической загадке русских народных говоров // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 151–170.
- Логика трансформаций: региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов / отв. ред. И.А. Морозов, И.С. Слепцова; Авторы: И.А. Морозов, И.С. Слепцова, Е.А. Самоделова, П.С. Куприянов, Е.Г. Чеснокова. М.: Индрик, 2019.
- Моисеева С.А. Традиционный обрядовый фольклор русских горнозаводских сел Башкирии: Дис. ... канд. филол. наук / Магнитогорский гос. ун-т. Магнитогорск, 2006.
- Народная демонология Полесья: Публ. текстов в записях 80–90-х гг. XX века. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. Т. 3. Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская.
- Рожкова Т.И. Некоторые аспекты изучения традиционной культуры русских Южноуральского региона // Русский фольклор. 2004. С. 265–281.
- Седакова И.А. Страдания св. Недели в народных балладах болгар и македонцев: этнолингвистика и фольклорная поэтика // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика: Участ академика Светлане Толстој / ур. П. Пипер, Љ. Раденковић. Београд: САНУ, 2008. С. 375–384.
- Толстая С.М. Актантная структура глагола и семантика отлагольных имен: «субъектные» и «объектные» имена // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой / отв. ред. В.Н. Топоров. М., 2005а. С. 162–168.
- ТПЮУ – Традиционные праздники русского населения Южного Урала (Челябинская и Оренбургская области): материалы полевых исследований / [сост. О.Г. Баранова и др.; науч. ред. И.И. Шангина]. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-т, 2012. 303 с.
- Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов, обычаев и поверий рязанских крестьян. Рязань: Рязанский областной научно-методический центр народного творчества, 2001. [Рязанский этнографический вестник. № 30].
- Филиппова И.А. О некоторых мифопоэтических доминантах весеннего календаря казачьих поселений юга Челябинской области // Проблемы истории, филологии и культуры. Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2009. № 1 (23). С. 457–464.

Рукопись поступила в редакцию 05.12.2024

Рукопись принята к печати 08.12.2024

REFERENCES

- Agapkina T.A. *Etnograficheskie sviazi kalendarnykh pesen. Vstrecha vesny v obriadakh i fol'klore vostochnykh slavjan*. Moscow, Indrik Publ., 2000, 336 p. (In Russ.)
- Berezovich Je.L. Poimat' ostrodyma: ob odnoi leksicheskoi zagadke russkikh narodnykh govorov. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2015, no. 1 (29), pp. 151–170. (In Russ.)

- Bjeletić M., Loma A. Son, smert', sud'ba (nabliudenii nad praslav. *mora, *mara). *Slavica Svetlanica. Jazyk i kartina mira: K iubileiu S.M. Tolstoy*. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 56–75. (In Russ.)
- Filippova I.A. O nekotorykh misopoeticheskikh dominantakh vesennego kalendaria kazach'jikh poselenii iuga Cheliabinskoi oblasti. *Problemy istorii, filologii i kul'tury*. Moskva – Magnitogorsk – Novosibirsk, 2009, no. 1 (23), pp. 457–464.
- Moisejeva S.A. *Traditsionnyi obriadovyi fol'klor russkikh gornozavodskikh sel Bashkirii*: Dis. ... kand. filol. Nauk, Magnitogorskii gos. un-t. Magnitogorsk, 2006. (In Russ.)
- Narodnaia demonologija Poles'ia: Publ. tekstov v zapisiakh 80–90-kh gg. XX veka*. Mowcow, Izdatel'skii Dom IASK Publ., 2016. T. 3: *Mifologizatsiya prirodykh iavlenii i chelovecheskikh sostoianii*, sost. L.N. Vinogradova, Je.Je. Levkijevskaia. (In Russ.)
- Logika transformatsii: regional'naia i lokal'naia spetsifika kul'turnykh iazykowych protsessov*, otv. red. I.A. Morozov, I.S. Sleptsova; Avtory: I.A. Morozov, I.S. Sleptsova, Je.A. Samodelova, P.S. Kupriianov, Je.G. Chesnokova. Moscow, Indrik Publ., 2019. (In Russ.)
- Rozhkova T.I. Nekotorye aspekty izucheniiia traditsionnoi kul'tury russkikh Iuzhnouralskogo regiona. *Russkii fol'klor*, 2004, pp. 265–281. (In Russ.)
- Sedakova I.A. Stradaniia sv. Nedeli v narodnykh balladakh bolgar i makedontsev: etnolingvistika i fol'klornaia poetika. *Etnolingvistička proučavanja srpskog i drugih slovenskih jezika: U čast akademika Svetlane Tolstoj*, ur. P. Piper, Lj. Radenković. Beograd, SANU Publ., 2008, pp. 375–384. (In Serb.)
- Tolstaya S.M. Aktantnaia struktura glagola i semantika otglagol'nykh imen: «sub»jektnye» i «sob»jektnye» imena. *Jazyk. Lichnost'. Tekst. Sbornik statei k 70-letiu T.M. Nikolajevoi*, otv. red. V.N. Toporov. Mowcow, 2005a, pp. 162–168. (In Russ.)
- TPIUU – *Traditsionnye prazdniki russkogo naseleniya Iuzhnogo Urala (Cheliabinskaia i Orenburgskaia oblasti): materialy polevykh issledovanii*, [Sost. O.G. Baranova i dr.; Nauch. red. I.I. Shangina]. Cheliabinsk, Cheliab. gos. un-t Publ., 2012, 303 p. (In Russ.)
- Tul'tseva L.A. *Riazanskii mesiatseslov. Kruglyi god prazdnikov, obriadov, obychajev i poverii riazanskikh krest'ian*. Riazanskii oblastnoi nauchno-metodicheskii tsentr narodnogo tvorchestva Publ., 2001. [Riazanskii etnograficheskii vestnik. № 30]. (In Russ.)

Received on 05.12.2024

Accepted on 08.12.2024

Информация об авторе:**Березович Елена Львовна**

доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН
профессор, зав. кафедрой
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1688-2808
E-mail: *berezovich@yandex.ru*

Information about the author:**Elena L. Berezovich**

DSc. (Philology), Corresponding Member of the
Russian Academy of Sciences
Professor, Head of the Department
Ural Federal University named after the first
President of Russia B.N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1688-2808
E-mail: *berezovich@yandex.ru*